

А.К. Шапошников

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

1. NOTIΣAPYH – KOMOΣAPYH

Во время последнего посещения автором этих строк археологической экспедиции Тамани 1–3 октября 1994 г. ему была любезно предоставлена к осмотру интересная находка археологического сезона-94 – вотивная терракотовая куколка с некогда подвижными руками, ногами и головкой (они не сохранились). На спинке корпуса куколки имелась прекрасно читаемая греческая маюскульная надпись. Находка числилась под инвентарным номером ПАН АЭ-94 № 27. Согласно предварительным записям, сообщенным мне госпожой И. Богословской, сотрудником Таманской АЭ, вотивная фигурка была найдена в V–VI раскопах Панагийского городища вместе с датирующим керамическим материалом I–III вв. н.э. Однако там же обнаружены фрагменты чернолаковой посуды более раннего времени. Будем надеяться, что вскоре появится специальное сообщение в археологических изданиях о результатах раскопок сезона-94 г. на Панагийском городище с подробным описанием места и обстоятельства находки, а также ее функционального назначения и уточненной хронологической увязки¹.

Оставим пока в стороне историко-культурологические аспекты находки и обратимся к самой надписи. Она прекрасно видна, ибо была нанесена острым предметом, оставившим глубокие бороздки на поверхности спинки корпуса куколки от ягодиц к шейке. Чуть поврежден уголок последней “эты”. Надпись имеет вид NOTIΣAPYH с очень широкой “ню” (видно, писавший не сразу соизмерил длину слова с пространством для письма). При первом же взгляде на надпись автор припомнил женские имена, известные из боспорской эпиграфики, с совершенно аналогичным вторым компонентом – КАΜΑΣΑΡΥΗ, КОΜΟΣΑΡΥΗ, о которых автор и поразмыслил по возвращении в Коктебель.

Известные прежде женские имена собственной подобной структуры дошли в довольно подробных контекстах КБН:

1. ὑπὲρ ... βασιλίσσης Καμασαρῆς τῆς Σπарт[ό]κου θυγατρὸς φιλοτέκνου καὶ Ἀρυότου τοῦ Ἰσάνθου βασιλίσσης Καμασαρῆς ἀνδρός.

2. Κομοσαρή Γοργίππου θυγάτηρ, Παιρισάδου γυνή².

Обе надписи датируются эпохой эллинизма и указывают на принадлежность женщин с именами – КАΜΑΣΑΡΥΗ, КОΜΟΣΑΡΥΗ к правящей династии Спартокидов.

Этимологизировать данные имена пытались иранисты. Еще в 1949 г. В.И. Абаев³, расчленив имя на *kama-sarva, предлагал трактовать первый компонент как вост.-иран. **kama-* ‘рот, отверстие, зияние’ (имея ввиду осет. *ком* ‘рот, пасть, открытая сторона мешка, горлышко кувшина, ущелье, отверстие, лезвие ножа’⁴) и **sarva-* ‘голова’ (имея в

виду осет. *саер* ‘голова, череп, крышка, корона, начало, повод, причина’ с многочисленными производными формами). Данная этимология имен повторена и в более поздней работе В.И. Абаева⁵.

Несмотря на очевидную семантическую неубедительность (женское имя собственное ‘рот головы’!) и затруднения в области фонетики и морфологии, реликтовые ‘скифские’ онимы типа Σάρων, Σάρακος, Σαρίκη, Σαρώης, Σαρώσιος, Σαρώδιος, Σαράξασος, Ἄσαρος, Μαλοσάρα, Μαλωσάρα, Στοσάρακος стали рассматриваться иранистами как иллюстрации к скифскому рефлексу обще-иранской основы со значением ‘голова’⁶.

Отметим явную гетерогенность всех вышеперечисленных форм. Часть их – топонимы (можно предположить их происхождение от и.-е. корня *sǵ- ‘вода, поток, струя, течь, струиться’), часть – женские имена (можно предположить их связь с и.-е. корнем *sor- ‘женщина’), часть – мужские имена “пестрой” этимологии.

Далее. Насколько правомерной является реконструкция компонента *sarva- с расширителем основы *-и-? Подобная реконструкция вовсе не следует из дошедших иранских форм⁷. Авестийский и санскритский рефлексы предполагают сигматический расширитель основы – *sarah, siras*. Для них, очевидно, верна реконструкция диалектной и.-е. основы *kerās ‘голова’ (Pokorny I, 574). Едва ли может обрести поддержку реконструкция основы *sarva- и на материалах др.-греч. языка, где имеем формы линейного письма Β *qo-ka-ra* ‘бычья голова’, *ka-ra-pi ‘головами’⁸ и др.-греч. слова *κάρ, κάρη, κάρα, κάρηνον, κάρανον* ‘голова’⁹; ср. лат. *cere-brum*. Реконструкция *sarva- ‘голова’ оказывается изолированной среди праформ основных и.-е. языков.

Дм. Дечев справедливо отнес имена *Камасарюэ* и *Комосарюэ* к остаткам фракийского языка на основании формальных аналогий во фракийской реликтовой ономастике **komo-*, **kama-*, **sar-* ‘голова’ или ‘течение’¹⁰; финаль *-ση выделяема во многих фракийских именах женского рода. Замечены были параллели в киликийском, писидийском, карийском и этрусском языках. Однако Дм. Дечев воздержался от цельнолексемного толкования имен *Комосарюэ* и *Камасарюэ*, затрудняясь в выборе семантических вариантов.

Ю.В. Откупщиков¹¹, справедливо критикуя многих этимологов за увлечение корневыми этимологиями в работе с реликтовой ономастикой Балкан и Анатолии, предложил свой вариант членения морфологической структуры имени *Камасарюэ*: корневая или суффиговая основа на *-s(s)-, фракийский суффикс -ar- и фракийское же окончание -ση. Далее он сопоставил данную основу с этниконом *Kamassenos* в качестве иллюстрации к “бесспорным совпадениям во фракийской и иранской антропонимии” и типичным “догреческим моделям”. Однако вновь найденная форма *Νοτίσαρήν* совершенно однозначно свидетельствует против подобного морфологического членения имен и опровергает предложенное толкование. Теперь стал очевидным однообразный морфологический состав реликтовых боспорских имен типа *Κομο-σαρήν, *Νοτί-σαρήν.

Ввиду всего вышеизложенного надо признать наибольшую убедительность толкования, предложенного О.Н. Трубачевым¹². Корень второго компонента *-σαρῖη* он сопоставил с др.-инд. *sar-* в словах *sari* 'женская одежда' и *Apsaras* 'женские божества, нимфы'¹³ и реликтовыми именами из боспорской эпиграфики *Σαρία...γυνή*, *Σαρίκη γυνή*, *Μαοσάρα*, *Ματωσάρα* (КБН №№ 75, 280, 512, 1015), предложив, таким образом, типологически наиболее вероятную семантику для женских собственных имен с компонентом **sar-* 'женщина, нимфа, женское божество, невеста'. Им была отмечена важная роль, которую могут сыграть следы индоарийской основы **sar-* 'нимфа, женское божество', обнаруживаемые в реликтовой ономастике Северного Причерноморья, в дискуссии о реликтах и.-е. праформы **sor-* 'женщина, одна из представительниц сестринского рода'¹⁴.

Соглашаясь в целом с предложенной семантикой корня **sar-*, вынуждены отметить какую-то внутреннюю неуверенность относительно отождествления окончаний имен *-ση = -ια*. Прежде всего, нам представляется сомнительным, чтобы боспорские греки и эллинизированные туземцы не различали качеств звуков, передаваемых на письме буквами 'йота' и 'ипсилон', в III–II веках до н.э. Хотя боспорский диалект и восходил к хиосско-эретрейской группе восточно-ионийских диалектов (КБН 798), а следовательно, должен был разделить присущий им переход *υ > ι*, уверенности в том, что эти буквы смешивались в III–II вв. до н.э., нет. Подобный переход плохо датируется для диалектов Эгейды и оставляет нерешенной проблему переходных форм (качество 'ы' или 'ю')¹⁵. Поэтому правильнее усматривать в греческой передаче *-σαρῖη* отражение туземной формы **sarue* или **sarua*, не тождественной **saria*. В таком случае перед нами действительно корень **sar-* и фракийского облика финаль **-ye*, широко представленная в реликтовой ономастике Фракии и Западной Анатолии¹⁶. Эту финаль рассматривают как рефлекс древнего расширителя основ на **-u-*, типа иллирийского **-ua*, палейского **-iwa*, др.-греч. *-eus* со значением 'относящийся (к)..., принадлежащий (к)...'. Весь комплекс **sar-ua* можно трактовать как 'принадлежащий нимфе X или относящийся к женскому божеству X'. Отправной точкой толкования при этом остается значение др.-инд. *apsaras* 'нимфы вод, женские божества'.

Первые компоненты сложных по структуре женских имен **Kama-*, **Koto-*, **Noti-*, вероятнее всего, являлись именами собственными или эпитетами нимф.

Элемент **Kama-/Koto-* сопоставляли с др.-инд. *kama-* 'любое желание, любовь, влечение, побуждение, вожеление'¹⁷. Приводились в качестве примеров композиты – личные имена схожей структуры – *Kata-ga*, *Kata-cara*, *Kata-deva* и т.п. Вместе с иранскими соответствиями¹⁸ авест. *Kama-*, др.-перс. *kama-*, мидийск. *kama-*¹⁹, др.-инд. *kama-* возводятся к и.-е. глагольному корню **ka-* 'желать, любить, помогаться' и основе **ka-mo* 'любое желание' (Pokorny I, 515).

Элемент новонайденного имени *Noti- имеет ближайшее соответствие в др.-греч. языке – *νοτίη* ‘влага, дождь’, *νότιος* ‘мокрый, влажный’, эпич. *ἐν νοτίῳ* ‘в открытом море’, *νοτίς, -ίδος* ‘влага’, *νότος* ‘южный ветер, влажный, несущий тучи и дожди’. В санскрите имеется соответствие *nadi-* (*giri-nadi* ‘горная река, дождевой поток’)²⁰.

Таким образом, имена *Камасарюэ* и *Комосарюэ* предлагаем толковать как ‘относящаяся к нимфе любовного влечения’, а имя *Нотисарюэ* как ‘принадлежащая нимфе дождевой влаги’. Оба имени, как мы их понимаем, а также само место их обнаружения – Таманский полуостров – подсказывают мысль об их связи с неким культом женских божеств. Действительно, именно там находился античный храмовый комплекс Афродиты Апатуры (*Ἀπάτουρον τὸ τῆς Ἀφροδίτης ἱερόν ἐν Φαναγορίᾳ, κόλπον ἐν τῇ Ἀσίᾳ Несаг.*). Этот туземный культ едва ли соотносим с ионийскими апатуриями – мужским патриархально-родовым праздником. Вероятнее предложенное О.Н. Трубачевым толкование формы *Ἀπάτουρον* из др.-инд. *aptur* ‘преодолевающий воды / die Wasser überquerend’ (Mayrhofer 40). К кругу этой Афродиты ‘преодолевающей воды’, могли принадлежать нимфы с именами “Любовное влечение” и “Морская влага” как ее испостаси.

Какому языку принадлежали имена *Камасарюэ* и *Нотисарюэ*? Совершенно очевидны тесные языковые связи этих имен с индоиранскими и палеобалканскими языками. Однако надо отдать предпочтение фракийским соответствиям, которые охватывают фонетический и морфологический облик форм, структуру и словообразовательный состав имен. К индоарийским, иранским и греческому приходится обращаться только для выяснения семантики корней ввиду фрагментарности лексико-семантического уровня фракийского языка.

Фракийские по происхождению имена собственные – не редкость в боспорском античном именнике, однако по сей день это явление не получило должной этно-исторической интерпретации.

2. ΠΟΣΤΙΓΙΑ и POS(S)IDIMA

‘Размышляя над птолемеевой картой Сарматии, автор нашел, как кажется, убедительную этимологию античного топонима внутренней части Скифотаврики Ποστίγια. Это местное название встречается однажды в перечне “средиземных” городов Таврического п-ова. Соответствующее место из Птолемея²¹ выглядит так: *πόλεις δὲ εἰσι μεσόγειοι ἐν τῇ Ταυρικῇ χερσονήσῳ αἴδε... Ποστίγια*’. Одно время казалось вероятным, что перед нами некое индоарийское реликтовое имя со вторым топоэлементом, родственным др.-инд. *gaya-* ‘дом, семья, хозяйство, название области, народ’ или *gaya-* ‘название города’²². В первой части слова можно было бы усмотреть реликтовый рефлекс, подобный др.-инд. *pastya-* ‘стойло, конюшня, хлев’²³ или *pastya-* ‘усадебьа’. В целом местное название *Постигия* могло иметь значение ‘город усадеб, хозяйств, своего рода *Boaulia*’, вполне убедительное толкование.

Но что-то в этой трактовке не удовлетворяло своей нарочитой искусственностью.

Оставалась еще возможность членения слова по-иному: **po-stigia*. В результате такого деления выявляется некий префикс-предлог типа вост.-слав. *по-* в русских хоронимах *По-сулье, По-донье, По-волжье, Поморье* и т.п. О возможности бытования аналогичных префиксальных форм во времена Птолема в Европе свидетельствует плиниевский топоним *Pathis(s)us*²⁴ – область в бассейне Дуная, наименование которой предложено понимать как *По-тисье*²⁵.

При таком членении топонима *Постигия*, вторая его часть очень напоминает соответствующую латинскую основу в слове *ve-stigium* ‘отпечаток ноги, след, колея и т.п.’. Подобрать этимологические соответствия из других индоевропейских языков не представляло большого труда. Значительно труднее было эшелонировать значения и остановиться на одном из них, как наиболее подходящем для реликтового таврического топонима.

Рефлексы индоевропейской праформы **steiǵh-/*stoiǵh-* выявлены в следующих языках: др.-инд. *stighnoti, stighnute* ‘подниматься, вскакивать’, ст.-слав. *по-стигнѣ, стѣза*, болг. *стига, стигна*, рус. *до-, на-, по-стигать, стезя, стезжа*, лат. *steiga* ‘приход’, лит. *steigiù, steigti* ‘спешить’, *staigà* ‘вдруг, неожиданно’, др.-греч. *στῆχος* ‘ряд (людей, предметов)’, *στῆχομαι* ‘идти рядами, друг за другом’, *στείχω* ‘иду, ступаю’, *στοῖχος* ‘стадо овец, колонна солдат, ряд, линия’, *στοιχίζω* ‘ставить в ряд’, алб. *shteg*, мн.ч. *shtigije* ‘вход, проход’, гот. *steigan, steigá* ‘подниматься, восходить’, *steiga* ‘дорога’, др.-в.-нем. *stigan* ‘подниматься, повышаться’, др.-исл. *stig* ‘шаг, ступень’, др.-норв. *stigr* ‘шаг, ступень’, др.-англ. *stigan* ‘восходить, подниматься, карабкаться вверх’, *stig* ‘тропа, пешеходная дорожка’.

Таким образом, для и.-е. прототипа **stiǵh-/*steiǵh-/*stoiǵh-* возможна реконструкция первичного значения ‘имя или действие, связанные со следами, оставленными животными или людьми, тропой, караванным путем, колеей колесного транспорта, дорогой, направленной с низины в горы’. Подобное значение весьма подходит для птолемеевского топонима, расположенного на торговом пути из Боспора и Феодосии в степи к Перекопу.

Префикс **po-* может представлять собой усеченную форму, родственную др.-греч. *ἀπό* ‘от, с, на, далеко, вдали от’ или лат. *apud* ‘у, при, возле, подле, около’ (ср. *apud oppidum*). Нельзя исключить и родства со славянской приставкой **po-*.

О локализации Постигии ныне трудно сказать что-либо определенное. Согласно птолемеевским координатам. Постигия располагалась где-то северо-западнее Феодосии и Илурата и являлась звеном в цепочке городков на торговом пути из Боспора к Перекопу (Илурат – Постигия – Тарона – Пароста – Тафрос).

Однако городищ и селищ позднекифского периода, синхронных птолемеевской карте, в северо-восточных таврических степях пока не

обнаружено, чему виной либо слабая изученность этих местностей, либо неясность вопроса о принадлежности некоторых археологических объектов. Так, крепость и поселения в окрестностях Старого Крыма иногда упоминают как крайний форпост Боспорского царства. А городища и селища в окрестностях г. Белогорска принято однозначно относить к позднескифским памятникам²⁶.

По своему местоположению Старокрымское урочище более всего подходит для локализации городища с именем *Постигия*. Этимология самого топонима прекрасно согласуется с историко-культурными реалиями Старого Крыма – через него издавна пролегал путь из Боспора к Херсонесу и Перекопу и традиционный маршрут отгона овечьих стад из степей в предгорья.

Сходное по структуре название населенного пункта в Коктебельском заливе доносят итальянские портоланы XIV–XVI веков – *Pos(s)idima*, засвидетельствованное в нескольких вариантах. На некоторых картах 1320, 1321, 1508 гг. – *Possidima*, на карте 1542 г. – *Pesidima*, а в 1570, 1572 гг. – *Pesidimia*²⁷. Все эти формы – результат адаптации туземного реликтового топонима в иноязычной среде. Вероятнее всего, первичная форма – *POSIDIMA. При членении имени на три компонента: **po-sid(i)-(i)ma* выделяется приставка **po-* (типа *Po-stigia, Pa-thisus*), корень **sid-* и финаль **-(i)-ma*. Корень **sid-* соблазнительно сопоставить с диалектными и.-е. вариантами огласовки глагольного корня **sed-* ‘сидеть, садиться’, ср. лат. глагол *sido, sidi, sessum, sidere* ‘садиться, оседать, засесть, сесть на мель, опускаться’, существительное *sidus, -eris* ‘созвездие, звездное небо’ (изначально – ‘сектор звездного неба, в котором находится – “сидит” – звезда или светило’), слав. глагол *сѣдѣти / сидѣти*. Имеется и примечательная ономастическая параллель – прибрежный город в Памфилии – *Sida, Side*, его жители – *Sidetae*, область, примыкающая к городу, – *Pisidia* (эта форма – не что иное, как префигированное образование *pi-sid-ia). Приставка **pi-* отмечена во фракийских реликтовых именах типа *Piastai* со значением ‘к, при, до’ (сродни др.-греч. ἐπί?). В целом, *Писидия* – ‘область при г. Сиды’. Аналогично и *Посидима* – ‘(селение) при Сиденье или Седловине’. И.-е. суффикс **-ma* образует, как правило, имена прилагательные от глагольных корней и основ. Семантика местного названия *Посидима* становится ясной для всякого, кто хоть немного знаком с реалиями ландшафта Коктебельского урочища. Важным примечательным горным объектом в Коктебеле во все времена был холм *Эгер-Оба*. *Экимчек* (тюрк. ‘седло, седельце’), на который веками правят кормчие при постановке судна на якорную стоянку в заливе. Холм этот также отлично виден при въезде в Коктебельское урочище с севера и северо-востока.

Какому же языку приписать топоним *Посидима*? Негреческий и италийский его облик подсказывает предположение о более древнем происхождении этого имени, по крайней мере, – не позднее птолемеевской *Постигии* – в скифскую или доскифскую эпоху. Не этот ли реликтовый индоевропейский таврический топоним глоссируется позже

индоарийскими формами типа *Asada* (ср. др.-инд. *asad-*, *asadana*, *sada*, *sadana* ‘сиденье, стул’)? Префикс и суффикс позволяют отнести реликтовый топоним *Посидима* к диалектам позднего индоевропейского языка эпохи его распада. Два соседних в сущности топонима *Постигия* и *Посидима*, разделенные по времени фиксации тысячелетий, оказываются реликтами седой старины.

3. TABANA и ΤΑΡΩΝΑ

В том же пассаже из Птолемея, где говорится о *Постигии*, имеется еще два примечательных топонима – *Табана* (др.-греч. Ταβάνα) и *Тарона* (др.-греч. Ταρώνα).

Основу первого имени соблазнительно сопоставить с карийской глоссой *τάβα:πέτρα* (т.е. ‘скала, камень’), сабинским словом *teba* ‘холм’ и др.-греч. словом *τύμβος* ‘могильный курган, могила’. Существует еще немало лексических параллелей в иллирийской и анатолийской реликтовой ономастике²⁸. Цельнолексемное сопоставление с арм. *damban* ‘холм, курган’ (из и.-е. **tǵb-an*) выявляет армяно-таврическую изоглоссу сходного значения.

Мы решительно возражаем против прежних сопоставлений таврической *Табаны* с осетинским *tætæn* ‘блеск, сияние, сверкание’ и перс. *tābān* ‘светлый’. Тем более напрасны попытки некоторых тюркологов связать данный реликтовый топоним с тюркским языковым материалом и использовать его как иллюстрацию к гипотезе о раннем проникновении тюркоязычных племен в восточную Европу. Засвидетельствованное значение ‘перевал’ для тюркской формы *daban* стоит изолированно среди исконно тюркских значений и форм, имеющих иное происхождение – *tāban*, *tavan*, *tapan*, *dabān*, *davan*, *taman*, *tičan* ‘подошва, ступня, основание, пятка, базис, поперечная балка и т.п.’ (Севортян В Г Д, 203). Для слова *daban* ‘перевал’ ищут иранский этимон.

Поэтому предлагаем остановиться на армянской форме и карийском корнеслове при толковании топонима *Табана*, как наиболее убедительных в семантическом и морфологическом плане. С учетом греческих, анатолийских и палеобалканских языковых форм можно реконструировать праформу **tǵbana* > **tabana* ‘холмистая, курганная, скалистая’.

Как и в случае с *Постигией*, крайне трудно предложить даже гипотетическое отождествление топонима с синхронным птолемеевскому тексту археологическим городищем. Путешествующая по краеведческим и археологическим работам идея сохранения птолемеевской *Табаны* в местном названии *Табана-дере* (*Кожевенный овраг*) на Мангуп-Кале основана на случайном созвучии имен, между фиксацией которых существует временной интервал по меньшей мере в 13 веков (если вести отсчет от формы *taban* в Codex Bezae Cantabrigiae²⁹). По своему местоположению соответствовать античной *Табане* могут позднескифские городища

юго-западной Таврики – Краснозоринское, Топчи-кой 1–2, Керменчик³⁰.

Еще один топоним птолемеевской карты *Tarōva* имеет ближайшее соответствие в армянском языке. Это имя практически неотделимо от названия исторической области Великой Армении *Taron*. Имелся и очень схожий топоним на п-ове Халкидика – *Toróvtj*, по соседству с мифологической прародиной армян на Балканах. Независимо от этимона и первоначального значения этих топонимов, они, похоже, принадлежали единой языковой и культурной традиции – праармянской или близкородственной ей, но не давшей жизнеспособных продолжений.

Обнаружение реликтовой ономастики праармянской языковой атрибуции в Северном Причерноморье представляет интерес в плане поиска промежуточной прародины носителей праармянского языка. Все вышеописанные ономастические реликты Таврического п-ова не укладываются в рамки иранской и индоарийской концепций этнической и языковой принадлежности населения доисторического Северного Причерноморья.

Примечания

- ¹ Шапошников А.К. ΝΟΤΙΣΑΡΥΝ – ‘нимфа морской влаги’ (этимологические наблюдения) // Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей. Тезисы докладов юбилейной конференции. 25–27 июля 1996. Керчь, 1996, 77–82.
- ² Корпус Боспорских надписей. М.; Л., 1965. 840.
- ³ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.; Л., 1949, 180–181.
- ⁴ Ирон-уырыссаг дзырдут. Орджоникидзе, 1962, 229–230, 331–334.
- ⁵ Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979, 236–311.
- ⁶ Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. М., 1988, 32–33.
- ⁷ Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986, 80–85; *Расторгуева В.С.* Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков. Фонология. М., 1990, 61–64, 29.
- ⁸ Предметно-понятийный словарь греческого языка: крито-микенский период. Л., 1986, 70–71.
- ⁹ Древнегреческо-русский словарь. Сост. И.Х. Дворецкий. Под ред. С.И. Соболевского. Т. 1. М., 1958, 875–876.
- ¹⁰ *Detschew Dm.* Die Thrakischen Sprachreste. Wien, 1976, 252–253, 422–424.
- ¹¹ *Откупщиков Ю.В.* Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации. Л., 1988, 97–98, 134–135.
- ¹² *Трубачев О.Н.* О синдах и их языке // ВЯ 1976, № 4, 56; *Он же.* Лингвистическая периферия древнейшего славяниста. Индоарийцы в Северном Причерноморье // ВЯ, 1977, № 6, 22.
- ¹³ *Monier-Williams M.* A Sanskrit-English dictionary etymologically and philologically arranged with special reference to cognate Indo-European Languages. Oxford, 1964, 59.
- ¹⁴ *Трубачев О.Н.* Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // ВДИ 1978, № 4. 38.

- ¹⁵ Широков О.С. История греческого языка. М., 1983, 101, 103–104.
- ¹⁶ См. сноску 11.
- ¹⁷ Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. М., 1978, 157–158.
- ¹⁸ Kent R. Old Persian grammar, texts, lexicon. New Haven, 1953, 179.
- ¹⁹ Hinz W. Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975, 64.
- ²⁰ Кочергина В.А. Указ. соч., 192.
- ²¹ Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. Греческие писатели. Вып. 1. СПб., 1890, 233–234.
- ²² Кочергина В.А. Указ. соч., 189.
- ²³ Там же, 386.
- ²⁴ Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 2. Латинские писатели. Вып. 1. СПб., 1904, 350.
- ²⁵ Трубачев О.Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Славянское языкознание. 9 Международный съезд славистов. М., 1983, 250.
- ²⁶ Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. Свод археологических источников. М., 1991, 8–22, 46–51, 57.
- ²⁷ *Almagia R. Monumenta Cartographica Vaticana. Citta del Vaticano, 1944, Т. 1, 13–16; 32–40; 68–69; 76–78; Славянски ръкописи, документи и карти за българската история от ватиканската апостолическа библиотека и секретния архив на Ватикана (IX–XVII век). София, 1978. – Таблици № LIV, LV, LIX, LXIV, LXV, LXVII.*
- ²⁸ Mayer A. Die Sprache der alten Illyrier. Bd. 1. Einleitung, Wörterbuch der illyrischen Sprachreste. Wien, 1957, 111, 327.
- ²⁹ Grønbech K. Komanisches Wörterbuch. Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. Einar Munksgaard; København, 1942, 231.
- ³⁰ См. сноску 26.

В.П. Шмид

МЕДИОПАССИВНЫЕ ПРИЧАСТИЯ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В БАЛТИЙСКИХ, СЛАВЯНСКИХ И АЛБАНСКОМ ЯЗЫКАХ

В настоящей работе необходимо в первую очередь рассмотреть искомые права медиопассивных причастиях на *-to*, вытесненных частично в процессе развития этих языков, частично в результате морфологических спекуляций языковедов-историков. Этим одновременно должны укрепиться позиции тех, кто уже с давних пор не рассматривает эти причастные образования как надежный аргумент в пользу тесного доисторического балто-славянского единства.

1. Из всех балтийских языков причастие на *-to* лучше всего сохранилось в литовском языке, до сих пор оно продуктивно в этом языке. Производное от основы настоящего времени, оно находится в оппозиции по отношению к причастиям на *-nt* в презенсе-активе, к причастиям на *цес-/us* в претерите-активе и к причастиям на *-to* в претерите-пасси-